

Надуло ветром — вот и простудился.

В местной глуши к болезням относились по-свойски. У кого не бывает головной боли да жара? Всякая химия — отчасти яд, так к чему без нужды пороги клиник оббивать? Коли свалила лихорадка, надо пить воду да укутываться потеплее, чтобы хорошенько пропотеть, а от легкой хворобы первый лекарь — целебный отвар из луковых стеблей и редечного сока.

Коли пробрал сырой осенний холод — это ветряной застуд: тут полагается прикладывать к центру стопы ломтики имбиря, чтобы сохранить тепло и выгнать влажную немочь.

Когда Тун Хуайцин только появился, жар жёг его немилосердно, и Чи Е не рисковал — сразу взялся за лекарства. Но теперь гость почти поправился, а ради такой мелочи глушить организм таблетками не стоило.

Хуайцин снова чихнул, и кончик его носа слегка покраснел.

Как раз подошло время сна. Чи Е положил фонарик и вошёл в дом. Циферблат настенных часов в небольшой гостиной показывал десять. Слева располагалась кухня, справа — две спальни, расположенные друг напротив друга.

Приведя Тун Хуайцина к себе, Чи Е уложил его в комнате напротив своей.

Всё равно ведь ненадолго, буквально на пару дней.

Отрезав ломтик от свежего корешка имбиря и отыскав в аптечке марлевый бинт, Чи Е направился к гостю. Тун Хуайцин, протирая глаза, поднял голову и с лёгким любопытством проследил за его приближением.

— Наклей это на середину стопы, а утром снимешь. Бинтовать умеешь?

Тун Хуайцин уставился на свежий срез имбиря, от которого исходил резкий, пряный запах, и недовольно нахмурился.

Терпеть он не мог этот аромат.

— Там находятся особые акупунктурные точки, — пояснил Чи Е. — Имбирь вытянет холод и сырость.

Тун Хуайцин, разумеется, прекрасно всё знал.

Раньше его обслуживала личная команда медицинского сопровождения. Всякие процедуры для

расслабления мышц, массажи и акупрессура выверялись с аптечной точностью, а лекарства и витамины покупались исключительно самые дорогие, импортные.

И всё равно он постоянно хворобал.

Избалованный постоянным уходом, Хуайцин вовсе не горел желанием пачкать руки об имбирь. Он лишь лениво шевельнул ногой. Белоснежные, аккуратные пальцы с округлыми ноготками выглядели безупречно. В нём вообще всё казалось изящным — даже щиколотки обладали тонкими, плавными линиями.

Жест читался предельно ясно:

«Давай сам».

Чи Е не собирался потакать чужим капризам, однако, мазнув взглядом по синяку в форме ладони на его бедовом бедре, всё же сдержался. Наклонившись, он обхватил изящную голень Хуайцина и уложил её себе на колено.

«Ладно уж, парень явно ещё сопляк зеленоватый. Естественно, с характером. Иначе с чего бы ему сбежать из дома и среди ночи бросаться в реку?»

Тонкий, слегка влажный ломтик имбиря лег на внутренний сгиб стопы. Нога у Тун Хуайцина была небольшой — Чи Е мог запросто обхватить её одной ладонью. Нежная, розоватая на пятке и хрупкая, точно молодой побег бамбука, она лежала в его огрубевшей руке невесомым лунно-белым лепестком лотоса.

Эта стопа никогда не капала грязь.

Её не царапали соломой, не обжигали о раскалённую выхлопную трубу, она не утопала в вязком иле при сборе лotosовых корневищ. Чи Е даже сомневался, способна ли она прошагать хотя бы пару километров. Казалось, эта нога только вчера впервые ступила в грешный мир — нетронутая, чистая, открытая чужим взглядам без малейшего стеснения.

Чи Е обернул марлю пару раз вокруг стопы и уже завязывал узелок, когда Хуайцин вдруг дёрнулся и попытался отпрянуть.

Чи Е удержал его за голень, даже не поднимая головы:

— Не дёргайся.

Тун Хуайцин сжал губы и широко раскрыл глаза. Как он мог забыть?! Этот автомеханик — гей!

И он сам добровольно вытянул перед ним голые ноги!

Ему приходилось сталкиваться с подобной публикой, и он отлично знал про их диковатые забавы. За границей к этому вроде как относились проще: однажды во время гастролей по Европе он случайно застал двух мужчин, целующихся за кулисами — растрёпанных, тяжело дышащих, с распахнутыми рубахами.

Чи Е с недоумением вскинул взгляд.

Тун Хуайцин замёрз с натянутыми плечами, а его взгляд стал острым и настороженным, точно у дикого кота.

А ведь вторую ногу он даже не успел перевязать!

Однако Хуайцин подскочил на ноги и, круто повернувшись, шагнул к себе в комнату.

Остаться здесь ни секундой дольше нельзя.

Вот только... куда ему идти?

Комната была крошечной. На тумбочке ютилась простенькое, даже топорное бра, а у стены стоял послуживший своё шкаф из красного дерева с узким ростовым зеркалом. Прислонившись спиной к закрытой двери, Хуайцин медленно поднял опущенные вдоль тела руки.

Он не касался клавиш уже полмесяца.

Раньше подобное казалось абсолютно невыносимым.

Извлекать звуки из рояля для Тун Хуайцина было всё равно что дышать — подсознательная, не требующая усилий привычка. Разве кто-то считает собственные вдохи и выдохи?

Пальцы трепетали сами собой, повинувшись глубокому внутреннему инстинкту.

Местные, судя по всему, любили зелень: горшки стояли не только во дворе, но и по комнатам. Самые простецкие, недорогие растения с пышной, грубоватой листвой. На второй этаж Хуайцин не поднимался и не ведал, что там растёт у ребятишек, но у Чи Е в спальне зеленел аспарагус.

А здесь, на его подоконнике, красовался кустик жасмина.

Окна выходили на солнечную сторону. Хуайцин помнил, как впервые очнулся в этой комнате: открыв глаза, он увидел крошечные белые бутоны, купающиеся в утреннем свете среди сочной зелени. И сквозь едва уловимое благоухание жасмина он разглядел плечистого мужчину, который тщательно выжимал в тазу с холодной водой полотенце, а затем осторожно прикладывал его к его пылающему лбу.

Тогда он лишь шевельнул губами, так и не сумев вымолвить ни слова, и бессильно прикрыл веки.

Ночь вступала в свои права, жасмин тихо распускался в полумраке, когда в дверь постучали.

Хуайцин чуть приоткрыл её.

Чи Е замер на пороге, не пытаясь переступить черту:

— Не спишь ещё?

«Слепой, что ли?»

— На, сам доперевяжи, — он протянул оставшийся имбирь с кусочком бинта. В тусклом свете половина его лица тонула в тени, подчеркивая крутой размах бровей и острую синеву черных глаз. Широкоплечий, статный, в дверном проёме он смотрелся внушительно и даже угрожающе. — Как ляжешь, вентилятор выключи.

Дыра, а не дом. Даже кондиционера нет. Лишь под потолком уныло гудит да гоняет жаркий воздух старая вертушка.

Тун Хуайцин опустил взгляд и сделал движение, собираясь закрыть дверь.

— Я китайские розы пересадил, — не унимался Чи Е. — Пойдёшь глянешь?

Ночью-то?

— Красивые. Не знаю, что за сорт, но цвести должны долго.

Мужчина плечом подпирал косяк, не давая заломить створку.

— Если к цветам равнодушен, завтра Яньянь заберёт тебя на виноградники. Поедите от души, а что останется — притащите домой, на вино пустим.

Рука Хуайцина снова дрогнула.

Ему вдруг вспомнились детские годы за фортепиано: ровная осанка, выверенная позиция пальцев, неумолимый ход часов... Под конец занятий предплечья затекали настолько, что он едва мог удерживать стакан с водой.

И именно в эти минуты мать обычно включала ему аудиозаписи на английском — речи мировых лидеров или разбор литературной классики.

«Переключи внимание, милый. Устал от музыки — послушай английский, передохни, — говорила она ласковым, шелковым голосом. — Каждая минута жизни должна приносить пользу и иметь смысл. Не ленись, занимай себя делом».

Да уж. В её представлении именно так выглядела настоящая насыщенность жизни.

И Чи Е, похоже, точно так же вознамерился забить его время хоть чем-нибудь.

Тун Хуайцин не поднимал головы, но отчётливо ощущал исходящий от мужчины запах — смесь недорогого мыла и свежей земли. Должно быть, тот успел полить посаженные цветы: веяло от него сырой духмяной почвой.

Ночь прошла без сновидений.

То ли деревенское средство возымело силу, то ли сказался крепкий сон, но утром Хуайцин проснулся сам, без посторонней помощи. Сладко потянувшись, он случайно спустил с плеча воротник — обнажилась белая, изящная фарфоровая ключица. Настоящий лебедь.

Вот только гнездо у этого лебедя выглядело весьма плачевно.

Спал он беспокойно: ворочался, изомял всю простыню, бинт на ноге давно размотался, а засохший ломтик имбиря свалился на пол. Раздвинув шторы и подставив лицо ласковым золотистым лучам утреннего солнца, Хуайцин принялся неторопливо заправлять постель. Его движения отдавали некоторой неловкостью, вызывая ассоциации со старомодным, чопорным джентльменом.

Всё строго по линейке.

— Брат Тунтун! — Чи Ино высунула голову из-за двери. — Ты уже встал?

У неё только-только выпали резцы, так что говорила она с лёгким свистом, но улыбалась во весь рот, сияя от восторга.

Тун Хуайцин искренне не понимал, как можно радоваться жизни каждый божий день.

— Старший брат сказал, — выпалила девчушка на одном дыхании, — что мы позавтракаем и пойдём рвать виноград!

— Это мы с братом Тунтуном пойдём, — донёсся со двора голос Чэнь Сяньяна. — А ты сидишь дома.

Мордашка девочки тут же скисла.

Хуайцин взглянул во двор. Как-никак, он оставался взрослым мужчиной, и Чи Е ни за что не отпустил бы с ним маленькую сестрёнку наедине. Честно говоря, сам факт того, что его без всяких опасений пустили в дом, уже удивлял — местный народ отличался поразительной простотой и отчаянной смелостью.

— Я тоже хочу! — Чи Ино сорвалась с места и побежала во двор. — Брат-а-а! Сегодня же суббота, не хочу я торчать дома одна! Я гулять хочу!

Во дворе играло яркое солнце, порхали бабочки. Чи Е умывался у рукомойника, повернувшись спиной. На его плече висело полотенце, рельефные мускулы плеч двигались под смуглой кожей. Выпрямившись под журчание воды, он продемонстрировал сухую, поджарую спину, сужающуюся к узкой талии.

— Я же хорошо себя вела! — тараторила Чи Ино. — Меня даже учительница хвалила, и уроки я все сделала...

Чи Е повернулся, с его подбородка капала вода:

— Нет.

— Ну почему-ы-ы?!

Чэнь Сяньян натягивал бельевую верёвку:

— Потому что на прошлой неделе ты наврала, будто идёшь с подружкой в книжный, а сами заперлись в спальне и весь день протаращились в телевизор. Вот тебе и наказание на эти выходные.

Нейлоновый шнур звонко натянулся между гвоздями. Развешивая мягкие школьные олимпийки, Сяньян бросил на сестру строгий взгляд. Чи Ино состряпала самую жалостливую мину:

— Но все же смотрят! Я тоже хочу...

Чи Е опустился перед ней на корточки. Девчонка обиженно надула губы — хоть ведро на них вешай.

— Во-первых, смотреть телевизор можно, — произнёс он, глядя ей прямо в глаза. — Но надо знать меру, иначе испортишь зрение.

Чи Ино уставилась на носки своих сандалий и промолчала.

— Во-вторых, врать нельзя. Мы пришли за тобой в книжный, а тебя там нет. Разве так поступают?

Сложив руки на груди, Тун Хуайцин подпирал дверную раму, прищурившись от ярких лучей.

«С виду обычный работяга, неотёсанный мужик, а воспитывает строго и по науке. Прямо педагогический талантыга».

— И в-третьих, — продолжал Чи Е спокойным, но твёрдым тоном, рассыпая искры из темных глаз, — то, что тебя похвалила учительница и дала тетрадку, — ты большая молодец. Но к наказанию за проступок это отношения не имеет. Одно другое не отменяет.

Чи Ино с минуту ковыряла носком землю, после чего уныло пробурчала:

— Ладно...

«И это всё? Даже спорить больше не станет?»

Похоже, слово Чи Е в этом доме было законом. У Хуайцина никогда не водилось ни братьев, ни сестёр, да и к детям он относился без особого восторга, поэтому не знал, как принято воспитывать в нормальных семьях. Но одно он знал точно: если бы его вот так публично отчитали — пусть даже по делу, — он бы устроил грандиозный скандал и встал на дыбы.

Гордость и самолюбие — вещь святая.

Ероша вихры на макушке сестрёнки, Чи Е направился к дому. Проходя мимо Хуайцина, он заметил, как тот высокомерно курносится и дерзко вскидывает подбородок.

И без труда прочитал по его губам саркастичную фразу:

«А не слишком ли?»

Нечего тут разводить красивую философию: наказывать восьмилетнего ребёнка домашним

арестом на все выходные за то, что она пару часов поглазела в телевизор — сущие самодурство и перегиб.

Густые брови Чи Е после умывания слегка взъерошились. Хуайцин стоял в узком проёме, скрестив руки на груди, и даже не думал уступать дорогу, откровенно провоцируя хозяина дома.

Ишь ты, видать, имбирь впрямь помог.

Простуда после ночного купания улетучилась без следа.

Упёршись рукой в дверной косяк, Чи Е навис над ним, полностью закрывая собой утреннее солнце.

— Ещё как слишком. Дисциплину надо прививать смалу.

Темные, точно агат, глаза Тун Хуайцина приковал свежий шрам от укуса на его предплечье. Вблизи угадывались и другие отметины — мелкие, давние рубцы, рассеянные по крепкой мускулистой руке смуглого оттенка.

Хуайцин отвёл взгляд. Расстояние казалось слишком интимным, от мужчины веяло густой, давящей мужской силой.

— Без порядка дела не будет, да и Яньянь смотрит, — хриловатым, густым басом проговорил Чи Е. — Как говорится, детей учат при людях, а жену — наедине.

«Вот ведь загнул!

Девчонка тебе сестрёнка, при чём тут вообще воспитание сыновей? Обязательно устраивать показательную порку на публике?

И вообще, какая ещё жена, откуда у тебя жена?

Если твоя будущая благоверная где-нибудь накосячит, ты её не при всех стыдить будешь, а затащишь в спальню, закроешь дверь и станешь по-своему "учить"?

Двуличный кобель.

ТЬфу!»

<http://bllate.org/book/19966/1985747>